

Четверикова Ольга Владимировна

д-р филол. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный

педагогический университет»

г. Армавир, Краснодарский край

ЛЕКСИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВКУС» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема языкового маркирования перцептивного модуса «вкус» в поэтической речи Н. Заболоцкого, так как высказывания с семантикой чувственного восприятия представляют значимый фрагмент языковой картины мира поэта и демонстрируют своеобразие его идиостиля. Семантическая структура языковой единицы интерпретируется как результат познавательной и номинативной деятельности. Н. Заболоцкий использует лексемы семантического поля «вкус» для обозначения физических, чувственных ощущений и для означивания особенностей мировосприятия субъекта речи, что служит репрезентацией аксиологической стороны физического и психологического бытия человека.*

***Ключевые слова:** перцептивный модус, лексика чувственного восприятия, поэтический текст, художественная картина мира, номинация, предикат, смысл, аксиологическая вертикаль, авторское сознание.*

В лингвистической науке под «языковой перцептивностью» понимают наличие в языковых знаках семы «чувственное восприятие». Структуры сознания и психики индивида, специфика его восприятия действительности, широта перцептивного поля находят своё отражение в выборе говорящим знаков языка, участвующих в речепроизводстве, в формировании внутритекстовых связей языковых единиц, эксплицирующих знания, мнения автора речи о мире, его оценки, ценностные ориентации, смыслы. Именно перцептивный опыт индивида позволяет приписать значения и смыслы вещам, которые исходно таких признаков могут и не иметь. Заметим, что в художественном тексте происходит наложение

перцепции, отражённой в языке, и сенсорной модели мира автора, которая характеризуется субъективным языком оценки и участвует в формировании индивидуального стиля творческой личности, определяемого спецификой его мировидения, смысловой сферы [3, с. 19], замыслом. Автор, создавая с помощью знаков языка вторичную, художественную действительность, конструирует текст таким образом, что через избранные им знаки языка происходит объективация внутреннего мира говорящего, его личностных смыслов. Этот сконструированный мир автор освещает модусом своего представления в слове [2, с. 14]: *Юноша с седою головой, / Как портрет в старинном медальоне / Из цветов ромашки полевой. // Щурит он глаза свои косые, / Подмосковным солнышком согрет, / Выкованный грозами России / Собеседник сердца и поэт* (Н. Заболоцкий, «Поэт»).

В поэтической речи Н. Заболоцкого гастрономическая лексика представлена широко. Прежде всего, это номинативы, обозначающие продукты питания, напитки, сласти (76%): *...и новый быт, даруя милость, / в тарелке держит осетра. // Варенье, ложечкой носимо, / успело сделаться свежо <...> и председатель на отвале, / чете играя похвалу, / приносит в выборгском бокале/ вино солдатское, халву, / и, принимая красный спич,/ сидит на столике кулич* («Новый быт»); *...тут шевелится толстая морковь,/ кружками падая на блюдо,/ там прячется лукавый сельдерей/ в коронки тонкие кудрей,/ и репа твёрдой выструганной грудью/ качается атланта тяжелей* («Обед»). Используются автором и слова, маркирующие общие понятия, связанные с ситуацией вкусового восприятия: пища, еда, угощение, кушанье (*пищи лучшей нет; вечно заняты едой; угощение безыскусное*). Однако глаголы с семантикой «употреблять в пищу» у Н. Заболоцкого малочисленны и обычно употребляются в ироническом контексте: *есть, глотать, кушать, жрать, пообедать, пить, отпивать: Они едят густые сласти, / Хрипят в неуголённой страсти, / И, распуская животы, / В тарелки жмутся и цветы* («Свадьба»); *Один известный врач / Перед обедом кушал «спотыкач»* («Один известный врач...»).

Семантическое поле вкуса у Н. Заболоцкого означено следующими лексемами: *сладкий* (пиво, дремота, куст сирени, сладкие враки), *сладостный* (голубь – сладостная птица), *солёный* (огурец), *горький* (горьковатый запах чабреца, горькая в значении «несчастливая»), фразеологизированной конструкцией «горьки слёзыньки»: *Я один, как перст, стою. // Горьки слёзыньки глотаю...* («Солдатская песня»). Самой частотной у Н. Заболоцкого является лексема *сладкий* (синоним – *медовый*), которая почти всегда употребляется в переносном значении, основанном на семах «доставляющий удовольствие», «радостный»: *Я бился в том бою / За платье голубое, / За молодость твою. // За сладкий куст сирени, / За наш родимый край* («Голубое платье»), на семе «замерзая, погрузиться в сон»: *Обняла их сладкая дремота, / В дальний край, рыдая, повела* («Где-то в поле возле Магадана»). В форме сравнительной степени лексема «сладкий» используется поэтом для репрезентации смысла «бездуховность»: *...ведь им бутылка – словно матушка, / души медовая салонница, / целует слаще всякой девки* («Народный дом»).

Среди изобилия номинаций, означающих продукты питания и напитки, чаще других используется Н. Заболоцким лексема «вино», имеющая в контексте произведений поэта положительную коннотацию и эксплицирующая смысл «радость жизни»: *Как пламя, в марани* (погреб для вина. – О.Ч.) *струилось вино* («Башня Греми»); *Хочешь, завтра под звуки пандури, / Сквозь вина золотую струю / Я умчу тебя в громе и буре / В ледяную отчизну мою?* («Тбилисские ночи»). В качестве компонента сравнительной конструкции данная номинация служит в стихотворении «Поздняя любовь» (1957) выдвижению смысла «грустная красота поздней любви». Сравнение «как стаканы с кровавым вином» (о каннах. – О.В.) актуализирует эмотивные доминанты «кратковременная радость», «предчувствие горя»: *Красота уходящего лета/ Обнимала их сотнями рук. // Были тут огнеликие канны, / Как стаканы с кровавым вином, /И седых аквилегий султаны, / И ромашки в венце золотом. // В неизбежном предчувствии горя, / В ожиданье осенних минут, / Кратковременной радости море/ Окружало любовников тут.*

В стихотворении «Рыбная лавка» (1928) ассоциирование с одическими текстами и одновременное пародирование формы оды, интермедияльные связи с голландскими натюрмортами свидетельствуют о смешанном характере ассоциативных рядов текста: *еда – кухня – церковь – желание – женщина – любовь – страсть – мерзость: ...как жёлтый клык, / Сиял на блюде царь-балык <...> Хочу тебя! Отдайся мне! Дай жрать тебя до самой глотки!* Подобные ассоциации прослеживаются и в других произведениях поэта: *А печь, наследника родив (младенец-хлеб. – О.Ч.), / И стройное поправив чрево, / Стоит стыдливая, как дева, / С ночью розой на груди («Пекарня»).* В стихотворении «Обед» (1929) фразой «Приготовление пищи так приятно – / Кровавое искусство жить» через предикаты «соберём», «омоем», синтаксические конструкции «опустятся ко дну», «идти ко дну», номинация «смерть» эксплицирована ситуация жертвоприношения человеку: *... Их (овощи. – О.Ч.) соберём спокойными руками, / омоем бледною водой, / они согреются в ладонях/и медленно опустятся ко дну. // И вспыхнет примус венчиком звенящим... <...> когда б мы видели в сиянии лучей / блаженное младенчество растений, – / мы, верно б, опустились на колени/ перед кипящею кастрюлькой овощей.* Частотны у поэта и слова, объединённые семой «изделия из теста»: *хлеб, кулебяка, пирожки, пирог, тесто, пирог с требухой, кулич, хлеба коврига, чёрствы ржаные кренделя, лепёшка, поминальный хлеб.* В лирике периода «Столбцов» данные языковые единицы служат репрезентации смыслов «рыночное изобилие», «культ еды»: *Здесь толпы лихих санаторных гуляк / Несут за собой аромат кулебяк, / Как будто в харчевню попал ты («Гурзуф ночью»).* В поздний период творчества у поэта слово «хлеб» ассоциируется с понятиями «светлое будущее, где не будет голода» (*хлебы изобилия*), «бережное отношение к хлебу» (*хлебные крошки*), «жажда знания» (*держа хлеба ковригу – перелистывать старую книгу*). В стихотворении «Ходоки» (1954) перцептив «горький» (хлеб) – маркер смысла «выращенный благодаря тяжёлому труду»: *... И в руках стыдливо показались / Чёрствы ржаные кренделя. // С этим угощеньем безыскусным / К Ленину крестьяне подошли. // Ели все. И горьким был и вкусным / Скудный дар истерзанной земли.* В стихотворении «Признание»

(1957) прилагательное «горький» является компонентом обособленной полу-предикативной конструкции: *И слезами, и стихотворениями / Обожгу тебя, горькую, милую*. Горький вкус – репрезентант душевного состояния женщины, всего того тяжёлого, горестного, что ей пришлось пережить.

В поэтической речи Н. Заболоцкого лексика вкусообозначения входит в сочетание со словами, означающими другие перцептивные модусы: *Хочешь, завтра под звуки пандури, / Сквозь вина золотую струю / Я умчу тебя в громе и буре / В ледяную отчизну мою?* («Тбилисские ночи»); *Я трогал листья эвкалипта / И твердые перья агавы, / Мне пели вечернюю песню / Аджарии сладкие травы. // Магнолия в белом уборе / Склоняла туманное тело, / И синее-синее море / У берега бешено пело* («Я трогал листья эвкалипта»). Таким образом, Н. Заболоцкий использует лексемы семантического поля «Вкус» и для обозначения физических, чувственных ощущений, и для означивания особенностей мировосприятия субъекта речи, что служит репрезентации аксиологической стороны физического и психологического бытия человека.

Список литературы

1. Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. – М.: Худ. литература, 1983.
2. Кукушкина Е.И. Язык и чувственное отражение / Е.И. Кукушкина, Н.Д. Хмара // Философские науки. – 1979. – №4. – С. 34–42.
3. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. – Армавир: РИО АГПА, 2013. – 236 с.